

Małgorzata Łuczyk
Zielona Góra

К вопросу о семантических признаках безличности в русском языке

Характеризуя семантическую природу безличности, лингвисты указывают разнообразные семантические признаки, которые связывают ее с грамматической особенностью безличных предложений – способностью называть процессы и состояния, независимые, отстраненные от агенса, т.е. активного деятеля.

Итак, выявляются следующие взаимосвязанные и взаимообусловленные составляющие безличности: независимость, непроизвольность, неосознанность, безотчетность, неконтролируемость, инволютивность, стихийность, природность действия или состояния, отстранение субъекта от действия или состояния, его неактивность, неопределенность ситуации в связи с необозначенностью, неизвестностью, нереальностью источника ее формирования.

Если рассмотреть системные связи перечисленных семантических компонентов общего категориального значения грамматической бес-субъектности, то, на наш взгляд, можно прибавить к ряду перечисленных еще один признак – перцептивность.

Различные подходы к изучению феномена безличности направлены на решение задачи раскрытия языкового механизма, создающего возможность „адекватного изображения процесса с неизвестным производящим лицом”¹.

Принципиальное отсутствие в безличных конструкциях ориентации на центральную точку отсчета, обусловленное их синтаксическим своеобразием, состоящим в исключении позиции подлежащего из структуры предложения, приводит к „нарушению четкой противопоставленности субъектно-объектных отношений...” и к резкой „[...] актуализации роли перцептора в содержании высказывания”².

¹ В.В. Виноградов, *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*, изд. 4-ое, под ред. Г.А. Золотовой, Москва 2001, с. 383.

² Ю.А. Пупынин, *Субъектно-предикатно-объектные отношения (на материале безличных конструкций)*, Ленинград 1991, с. 15.

В противоречивой семантической структуре безличных перцептивных предложений идея восприятия событий реализуется как его особый вариант, так как ощущения перцептора выступают здесь единственным путем фиксации проявления обозначаемых процессов и событий³. Перцептор является своего рода регистратором событий, которые без его участия остались бы незафиксированными. Он воспринимает своими органами чувств положение дел, которое осуществляется вне его воли, не принимая участия в его создании.

В первичной ситуации восприятия, по Ю.Д. Апресяну, присутствуют два основных участника: тот, кто воспринимает, и то, что воспринимается. В связи с этим существуют две группы глаголов (или других предикатных слов), которые называют состояния обоих участников ситуации восприятия.

Кроме пассивного восприятия, субъект для того, чтобы получить нужную информацию об окружающей действительности, может активно использовать предназначенные для этого органы. Поэтому возможна еще одна группа глаголов – типа *смотреть*. Таким образом, получается „тернарная оппозиция смыслов”: воспринимать – восприниматься – использовать способность восприятия.

Пять подсистем восприятия (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание), каждая из которых обслуживается тремя лексемами, соотносимыми с отдельными из указанных смыслов, составляют семантическую парадигму восприятия, насчитывающую в итоге 15 лексем: видеть – быть видным (кому-либо) – смотреть; слышать – быть слышным (кому-либо) – слушать; обонять – пахнуть – нюхать; ощущать вкус – быть на вкус – пробовать; осязать – быть на ощупь – ощупывать.

Все 15 лексем, составляющие, по выражению Ю.Д. Апресяна, „лексикографический тип восприятия”, должны были бы заполняться глаголами⁴. Однако это получается только в отношении подсистемы обоняния, и то с некоторыми стилистическими разграничениями, а именно: *обонять* – книжно-письменное, а возможное *чуть* – явно просторечное. Для коррелята „восприниматься” имеется только один стилистически нейтральный глагол *пахнуть*.

³ Ю.А. Пупынин, *Субъектность и актуализационные категории предиката*, [в:] *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность*, Санкт-Петербург 1992, с. 141–154.

⁴ Ю.Д. Апресян, *Избранные труды: В 2 т.*, Москва 1995, т. II: *Интегральное описание языка и системная лексикография*.

В семантической парадигме восприятия, наряду с глаголами, используются свободные и несвободные словосочетания.

Объект, субъект и предикат восприятия создают *перцептивную ситуацию*, которая понимается нами как заключающая в себе денотативно-понятийную основу передаваемого содержания и его языковую семантическую интерпретацию⁵.

При разграничении отдельных типов внутри системы безличных перцептивных предложений в качестве ведущего основания мы принимаем характер восприятия. При этом, с одной стороны, мы учитываем двойственность самого процесса восприятия, который может быть представлен в языке и мышлении либо как процесс воздействия окружающей действительности на органы восприятия перцептора, либо как процесс повышенного внимания, исходящего от перцептора к фактам реальной действительности. С другой стороны, выделяемые нами типы перцептивных ситуаций дифференцируются в зависимости от объекта восприятия – образа, звука, запаха.

Итак, предложения типа: ***Слышно звуки за стеной; Видно небольшую речку*** – это предложения, отображающие зрительное или слуховое обнаружение/ не-обнаружение присутствия или отсутствия объекта (предмета или явления) в пределах воспринимаемого органами чувств пространства в данное время.

Предложения типа: ***В комнате пахнет яблоками*** отображают обонятельные или тепловые эффекты, доступные восприятию перцептора в пределах среды проявления признака, или же являющиеся результатом воздействия источника энергии или запаха (с указанием или без указания на конечную точку направления).

Предложения типа: ***Рассветает*** отображают естественно-природную среду проявления процессуального признака и воздействие в ее пределах дифференцированной энергии, воспринимаемой различными сенсорными подсистемами перцептора.

Предложения типа: ***Загрохотало за стеной*** отображают проявление звуковых (и иных) эффектов как воздействующей энергии в определенном, доступном восприятию перцептора, пространстве.

Предложения типа: ***На улице темно*** – это предложения, отображающие наличие характеризуемого признака фрагмента окружающей

⁵ Ю.А. Пупынин, *Субъектность и актуализационные категории предиката...*

действительности (состояния), доступного восприятию перцептора через зрительные, слуховые, тактильные и др. ощущения.

Предложения типа: ***В огороде никого нет*** отображают отсутствие наличия или существования объекта (предмета, явления, состояния) в данном фрагменте мира, доступное зрительному (или другому в пределах сенсорных ощущений) восприятию перцептора.

Предложения типа: ***Водой размыло берег*** – это предложения, отображающие результат ситуации разрушения, деформации, перемещения и т.п. какого-то объекта названной или неназванной силой, доступный зрительному восприятию перцептора; или же сама ситуация разрушения в процессе ее протекания.

Лексическая семантика предиката в перечисленных предложениях ориентирована субъектно или объектно. Если предикату соответствует смысл „воспринимать” семантической парадигмы восприятия, то можно говорить о субъектной ориентации. Если же предикат согласуется со смыслом „восприниматься” тернарной оппозиции смыслов, то имеем дело с объектно ориентированным предикатом. Во всех проанализированных предложениях субъект восприятия формально не выражен (и даже не может быть формально выражен), но его существование скрывается в лексическом значении глагола. Итак, в одних случаях имеется непосредственное указание на перцептора, и в этих случаях можно даже говорить, на наш взгляд, о в какой-то степени экспликации субъекта восприятия введением обозначения его же путей восприятия. В других случаях лексическое значение глагола „скрывает” субъект восприятия, называя состояния объекта перцепции, которые однако подразумевают перцептора, например: „если пахнет, значит кто-то это воспринимает”.

Итак, в первой из перечисленных выше разновидностей предложений перцептор (с необходимостью предполагаемый самим его выражением в предложении, к тому же выражением в структурном центре предложения – в сказуемом) не исключается тем, что он „за кадром” из языкового, передаваемого именно предложением, определенного устройства мыслительного содержания. В обсуждаемом типе предложений, на наш взгляд, предикативы *видно*, *слышно*, соотносимые со смыслом „воспринимать” семантической парадигмы восприятия, экспонируют субъект восприятия, предопределяя его центральную позицию в перцептивной ситуации. Перцептор выступает как бы „инициатором” происходящего: благодаря своим сенсорным способностям он обнаруживает какой-то предмет, ситуацию, явление.

Основными, но не единственными носителями семантики „перцептивность” в предложениях *В комнате пахнет яблоками* являются, естественно, обонятельные предикаты, соотносящиеся со второй колонной „тернарной оппозиции смыслов” парадигмы восприятия, т.е. со смыслом „восприниматься” и, таким образом, отображающие объект ситуации восприятия. Кроме предикатной лексики указания на перцептора содержатся и в грамматической семантике видовых форм глагола, а также в „строевой лексике” и др. средствах контекста. В связи с этим, на наш взгляд, можно здесь говорить о центральной роли объекта восприятия в перцептивной ситуации и о периферийной роли субъекта восприятия. Субъект восприятия (перцептор) является в этой ситуации своего рода объектом воздействия потока частиц пахучего вещества или тепловой энергии: он не обнаруживает предмет благодаря своим сенсорным способностям, а определенный предмет каким-то способом проявляет себя, и это доступно его восприятию.

Предикаты, отображающие явления природы (тип: *Рассветает*), являясь структурным центром следующего из указанных типов безличных предложений, соотносятся со второй колонной „тернарной оппозиции смыслов” парадигмы восприятия, т.е. со смыслом „восприниматься” и, таким образом, отражают объект ситуации восприятия, т.е. то или иное явление распространяется, охватывая своим „воздействием” субъект. Такая интерпретация перцептивного события ставит в центре объект, а субъект – на его периферии.

Указания на перцептора в предложениях с безлично-предикативными словами (тип: *Холодно*) реализуются, в принципе, такими же средствами как и в предыдущих типах безличных предложений, т.е., во-первых, лексической семантикой самого предиката и, во-вторых, разнообразными средствами контекста. Нужно подчеркнуть однако одну отличительную особенность семантики безлично-предикативных слов – оценочность, выявляемую, правда, и в некоторых других предикатах анализируемых предложений (напр.: *смердит – благоухает*), но в несравненно меньшем объеме, нежели в безлично-предикативных словах.

Возможность пассивной оценки и невозможность какого-либо контроля или управления, т.е. недопустимость даже в минимальной степени „вторжения” в развитие состояния, гарантируют перцептору лишь только периферийную позицию в данной перцептивной ситуации, отражающей денотативное пространство, т.е. состояние длится, и перцептору дано воспринять и оценить это состояние со своих позиций.

Очередной тип: когда чего-то не существует в мире/ в месте/ в перцептивном пространстве, правила русского языка не позволяют „несуществующий” предмет (или может быть, лицо, состояние) обозначить именительным падежом; он может быть выражен только родительным. Русский язык весьма интересен наличием этого тонкого языкового механизма – когда совершенно одинаковые вещи в зависимости от их присутствия или отсутствия выражаются разными падежами. Можно предположить, что сама идея „существования” не является чем-то элементарным: вещи, которые существуют, хоть и недоступны непосредственному восприятию, в русском сознании мыслятся (и что очень важно – выражаются в языке) иначе, нежели те, которые не существуют вовсе; те и другие принадлежат как бы разным мирам, и русский язык это фиксирует, „отражает” самим наличием конкуренции именительного/родительного падежей⁶.

Анализ семантики отрицательных предложений позволяет, на наш взгляд, заключить, что в них (точнее в некоторых из них) содержится указание на перцептора, которое связано не с семантикой отдельных лексем или же грамматических форм, а с семантической структурой целого высказывания.

Похоже дело обстоит в предложениях *Водой размыло берег*, в которых предикаты, являющиеся центром данных структур, нельзя назвать специальными средствами выражения перцептивности, так как они сами по себе не содержат перцептивную сему. Только грамматическое значение вида, выражаемое глагольными формами в сочетании с контекстом, имеет ключевое значение для выявления в них перцептивности. Итак, в анализируемых предложениях наблюдатель может фиксировать срединный период в длительности состояния или протекания действия (при глаголах несовершенного вида прошедшего времени – *небо заволакивало тучами*), или же может воспринимать действие целостно и регистрировать итоговое состояние (результат ситуации – *небо заволокло тучами* – при глаголах совершенного вида прошедшего времени). Таким образом, здесь нельзя соотносить отдельные предикаты с одним из смыслов тернарной оппозиции семантической парадигмы восприятия: „воспринимать” (субъект) или „восприниматься” (объект), но следует отображаемую в предложении ситуацию считать объектом восприятия перцептора и, естественно, его позицию в целом перцептивном событии определить как периферийную.

⁶ См. об этом: Е.В. Падучева, *Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика?*, „Вопросы языкознания” 1997, № 2, с. 101–116.

Названные выше разновидности безличных предложений, реализующих семантику перцептивности, представляют собой лишь какую-то долю предложений, называемых безличными, однако, на наш взгляд, даже эта группа предложений обладает объяснительной силой и является репрезентативной.

Признание признака перцептивности как одного из семантических признаков безличности, естественно, может вызывать ряд сомнений и вопросов. В первую очередь, „настороженность” вызывают факты, что этот признак не свойствен всем безличным предложениям, а лишь некоторым разновидностям; что перцептивность характерна не только безличным предложениям, но также и личным – двусоставным.

Однако и среди общепризнанных семантических признаков безличности, перечисленных нами в самом начале, есть такие, которые свойственны не всем типам безличных предложений, или же такие, которых толкование не вполне ясно. Для примера рассмотрим несколько известных определений.

Описывая безличные предложения как предложения с неизвестным или неопределенным производящим лицом, со скрытым или устраненным лицом, В.В. Виноградов не объясняет, какую именно неизвестность он имеет в виду. В лингвистической же литературе различается несколько ее типов, как хотя бы неизвестность для говорящего и для слушающего. Кроме того, признак неизвестности как основополагающий в определении безличности точно так же как и неопределенности, вызывающей целый ряд представлений, не позволяет разграничить безличные предложения и предложения с подлежащим, выраженным местоимениями с частицами *-то*, *-нибудь*, *-либо*, *кое-*, вносящими информацию о неопределенности субъекта, которая в данном случае понимается довольно узко⁷.

По мнению В.В. Бабайцевой, специфика безличности создается „не тем, что в предложение нельзя вставить подлежащее, а тем, что надо изобразить действие в отрыве от деятеля, как стихийный процесс”⁸. Именно безличные глаголы выражают „действие или состояние (признак), возникающие и существующие независимо от производителя действия и носителя признака”, т.е. указывают на отсутствие деятеля⁹. Однако деятель отсутствует также и в других типах предложений, в том числе и не

⁷ О.Н. Селиверстова, *Опыт семантического анализа слов типа „все” и типа „кто-нибудь”*, „Вопросы языкознания” 1964, № 4, с. 80–90.

⁸ В.В. Бабайцева, *Односоставные предложения в современном русском языке*, Просвещение, Москва 1968, с. 57.

⁹ *Ibidem*, с. 53.

безличных, как, например, в пассивных конструкциях *Задача была решена*. Значит, такое определение не только не позволяет отграничить безличные предложения от сходных, но не тождественных им структур, но и не обладает объяснительной силой для некоторых типов среди безличных предложений. Кроме того, как дальше отмечает сама В.В. Бабайцева, для предложений типа *Меня крутило, носило* и т.д. это определение не является достоверным, поскольку „представление о деятеле, хотя и очень неясное, лишенное ярких наглядных черт, есть” в приведенных выше примерах безличных предложений¹⁰.

В работе Е.М. Галкиной-Федорук определение безличных предложений, которые „называют только деятельность, а причина или прямой производитель действия остаются неопределенными, неизвестными”¹¹ также дается через признаки неопределенности, неизвестности. Однако в этом определении следовало бы уточнить, что обозначает прямой производитель действия, каково его отношение к понятиям агенса, орудия и т.д.? Если, например, в безличном предложении *Ветром посбивало яблоки в саду*, казалось бы, указывается прямой производитель действия, то на какой семантический признак нужно опереться для определения специфики безличности?

В определении Г.А. Золотовой „в безличных предложениях субъект всегда неактивен”¹² подчеркивается также „непроизвольность, независимость от воли субъекта”¹³. Однако, на наш взгляд, одного указания на неактивность, независимость от воли субъекта недостаточно. Так, например, признак деагентивности в разных предложениях проявляется по-разному, ср.: *Машину подбросило, Его знобило*; а в предложениях таких как: *Об этом писалось..., Понаехало гостей, Не пришло ни одного человека* признак этот, по всей вероятности, вообще отсутствует. Поэтому такое многообразие проявления деагентивности, а также невозможность увидеть ее хотя бы в двух из приведенных выше примеров не позволяет утверждать конституирующий характер этого признака¹⁴.

¹⁰ Ibidem, с. 60.

¹¹ Е. М. Галкина-Федорук, *Безличные предложения в современном русском языке*, Москва 1958, с. 123.

¹² Г.А. Золотова, *О субъекте предложения в современном русском языке*, „Филологические науки” 1981, № 1, с. 45.

¹³ Г.А. Золотова, *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*, Москва 1982, с. 120; ср. также: С.И. Кокорина, *О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке*, Москва 1979.

¹⁴ См. об этом: В.А. Белашапкова, Т.В. Шмелева, *Глагольные безличные предложения в синтаксической системе русского языка*, [в:] *Исследования по семантике. Семантические аспекты синтаксиса: Межевз. науч. сб.*, отв. ред. Л.М. Васильев, Уфа 1985, с. 35–47.

Объяснительной силой не обладает также определение безличности через сочетание признаков неопределенности и неличности, выдвинутое Ю.С. Степановым, так как „нередки случаи, когда безусловно известный и достаточно определенный для потенциального прямого наименования источник действия лишь выводится формой безличного предложения из поля зрения в некоторой точке повествования, но совершенно ясен из обрисованной контекстом ситуации. В особенности это касается одушевленных агентов, прежде всего людей [...] *На площади притихло* (А. Толстой)”¹⁵.

Как показывают представленные выше лингвистические позиции, в качестве критерия выделения безличных предложений предлагаются различные семантические основания, одни из которых акцентируют свойства субъекта, а другие – свойства предиката. Так, семантическое отличие безличных конструкций видят в неактивности субъекта¹⁶ и в произвольности действия или состояния, в его независимости от воли субъекта¹⁷. Эти семантические признаки, естественно, реализуются в разнообразных структурных типах безличных предложений по-разному. И именно это большое структурное разнообразие безличных предложений (и связанная с этим трудность в выявлении основных, общих для всех типов, семантических признаков) заставляет задуматься: можно ли вообще найти семантический инвариант, дать общее определение такому сложному концепту как является безличность, чтобы охватить все ее „проявления”, дифференцировать безличные и не тождественные им, но также бессубъектные предложения.

¹⁵ В.М. Павлов, *Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке*, Санкт-Петербург 1998, с. 15.

¹⁶ Т.Б. Алисова, *Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений*, [в:] *Инвариантные синтаксические значения и структура предложения: Докл. на конф. по теоретическим проблемам синтаксиса*, отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Москва 1969, с. 27–36; М. Гиро-Вебер, *К вопросу о классификации простого предложения в современной русском языке*, „Вопросы языкознания” 1979, № 6, с. 63–75; И. Заичкова, *Дательный беспредложный в современном русском языке*, Прага 1972.

¹⁷ Г.А. Золотова, *Коммуникативные аспекты...*; М. Гиро-Вебер, *Устранение подлежащего в русском предложении*, „Известия АН СССР. Серия литературы и языка” 1984, т. 43, № 6, с. 551–556.

Streszczenie*Uwagi na temat semantyki bezosobowości*

Artykuł zawiera rozważania dotyczące specyfiki semantycznych właściwości zdań bezosobowych. Obecność w strukturze semantycznej niektórych zdań tego typu figury perceptora (przy niemożliwości wyłonienia wspólnych właściwości semantycznych dla wszystkich typów zdań bezosobowych) skłania do refleksji, czy perceptywność nie powinna być traktowana (podobnie jak niezależność od woli subiekta, nieaktywność subiekta, żywiołowość itd.) jako semantyczny komponent kategoryjnego znaczenia bezosobowości.

Summary*Remarks on impersonality semantics*

The article includes consideration within the topic of peculiarity of semantic features of no-subject clauses. Taking into consideration the impossibility to form some common semantic features for all the types of impersonal sentences, what is interesting is the presence of a perceiving figure in particular clauses of this type, which raises a question whether perceptivity should not be treated as a semantic constituent of a categorical meaning of impersonality (similarly to the independence of the subject's will, the inactivity or vehemence of a subject, etc.).